

РЕЦЕНЗИИ

Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 344 с.; Практикум. М.: Высшая школа, 1987. 144 с.

Рецензируемая книга состоит из двух частей: первая представляет собой переиздание, исправленное и дополненное, учебника того же названия, вышедшего в 1982 г.; вторая является практическим дополнением к первой и содержит отрывки из текстов на латинском и романских языках. Тексты подобраны таким образом, чтобы помочь студентам, которым адресованы учебник и практикум, усвоить материал курса введения в романскую филологию и теоретически и практически. Студенты могут сравнить формы классического латинского языка с народнолатинскими, а затем и с формами раннесредневековой латыни. Сравнительный анализ раннероманских текстов может сопровождаться анализом современных романских языков. В практикуме представлены старофранцузский, старопровансальский, староитальянский, старороманский, старокаталанский, галисийско-португальский языки и румынский язык XVI—XVIII вв., а также современные «малые» романские языки: окситанский (провансальский), галисийский, сардинский, ретороманский, балкано-романские (южно-дунайские) языки / диалекты, арумынский язык / диалект, мегленитский язык / диалект, исторорумынский язык / диалект, далматинский язык и франкокреольские языки. Следует отметить, что такое объединение в одном комплексе сведений по романскому языкознанию и конкретного языкового материала, иллюстрирующего эти сведения не в виде отдельных примеров, а в виде связанных текстов, является замечательным нововведением, вполне отвечающим духу времени. До этого в нашем научно-педагогическом обиходе были известны комментированные переводы на ряд романских и германских языков текста П. Пасси «Солнце говорит: „Меня зовут солнцем“» [1], несколько отрывков на современных романских языках приведено в одном из недавно вышедших пособий по романскому языкознанию [2]; отрывки текстов на старых романских языках,

классической и народной латыни содержатся в различных хрестоматиях, однако все это для работы надо разыскивать. В рецензируемом пособии содержится комментированный, свособразный компендиум романских текстов, являющийся итогом многолетних творческих разысканий авторов.

По своему замыслу и его воплощению, по охвату материала и постановке проблем рецензируемый труд отвечает самым высоким требованиям. В нем широко представлено состояние теоретических разработок в области романского языкознания, выделены и проведены сквозь все содержание учебника и практикума ключевые проблемы романистики, последовательно раскрывается метод типологического анализа близкородственных языков, используется методика сравнительно-исторического изучения материала, доминирует филологический подход в интерпретации языковых фактов.

Существенной характеристикой рецензируемого труда является его современность, т. е. связь с теми направлениями в языкознании, которые получили развитие в последние десятилетия. Авторы используют положения семантического синтаксиса, теории референции, лингвистики текста, теории разговорной речи. Вместе с этим нельзя не отметить и подчеркнутую традиционности работы: она не порывает со знакомой схемой расположения материала и не отгазывается от известных разделов. В учебнике мы находим и раздел, посвященный истории и истокам романских языков (ч. II — «Истоки романских языков», автор — М. А. Таривердиева), и раздел, содержащий анализ языковых структур романских языков (ч. III — «Историческое развитие и структурная общность романских языковых систем», автор — Т. Б. Алисова), и раздел, посвященный общей характеристике Романии и романских языков (ч. I — «Романский языковой ареал и исторические условия его образования», автор — Т. А. Репина), и раздел, содер-

жащий историю изучения романских языков (ч. IV — «Романские языки как объект научного изучения», автор — Т. А. Репина). Таким образом, рассматриваются традиционно знакомые темы, и хотя толкование их получает часто новое освещение, наличие сохранения преемственности в романском языкознании, что совершенно необходимо для успешного развития науки.

Важнейшими проблемами романского языкознания остаются проблемы классификации романских языков, их происхождения и структурного описания. В книге эти проблемы решаются как взаимосвязанные. Генезологическая классификация языков подкрепляется типологической, от описания истоков романских языков протягиваются нити к описанию социально-исторической и структурно-функциональной их характеристики. Среди всех критериев анализа преимущество отдается социолингвистическим, что определяет предлагаемые в книге решения указанных трех проблем как наиболее общих. С этим же связаны решения и более частных проблем.

Дискуссионность проблемы классификации романских языков легко показать путем сопоставления классификации, которая дается в рецензируемой работе, с классификацией, которую находим в недавно вышедшей книге О. С. Широкова [3]. Авторы рецензируемого труда находят неудовлетворительными такие критерии выделения самостоятельных романских языков, как наличие или отсутствие литературного употребления, своеобразие фонетических черт, взаимное понимание или непонимание (с. 8); романские языки определяются на основании критериев социолингвистического статуса языковой единицы и своеобразия ее исторического развития. При этом подчеркивается, что «...социолингвистический статус языка относится к числу наиболее подвижных, поскольку он непосредственно связан с событиями политической жизни государств и народов» (с. 9). О. С. Широков утверждает, что генезологические классификации языков основываются на фонетических закономерностях [3, с. 91, 250].

В соответствии с тем, каким критериям отводится основная, а каким — второстепенная роль, строятся классификации романских языков. В рецензируемой книге она дается в соответствии с правовым положением языка (язык государства, автономной области и т. д.) и с учетом литературной или исторической традиции. Вслед за В. Г. Гаком [4] отношения между языком и языковым коллективом (лингвосоциумом) рассматриваются в функциональном плане, который позволяет также решать вопросы вариантности

внутри отдельно взятых языков [5—7]. Отодвигая на второй план эту исторически подвижную характеристику языков и диалектов, А. В. Широкова сосредоточивается главным образом на той лингво-географической карте Романи, которая отражает диалектное дробление вульгарной латыни [8—10].

Второй дискуссионной проблемой, рассматриваемой в рецензируемой книге, является проблема происхождения романских языков. Как это ни покажется странным, не все усматривают истоки романских языков в народной латыни, хотя сторонники этой точки зрения среди романистов большинство. Об этом пишет польский ученый В. Маньчак, который придерживается противоположных взглядов [11]. Идея происхождения романских языков от вульгарной латыни является, по его мнению, несмотря на ее большую популярность, наиболее уязвимой [она же является и самой старой, восходя к Дицу и далее к Бонами (XVIII в.) и гуманистам (XV в.)]. Источком романских языков Маньчак считает классическую латынь: что же касается вульгарной, или народной, латыни, то это — промежуточный этап между классической латынью как общероманским языком и романскими языками [11, с. 114]. Взгляды Маньчака подкрепляются анализом материала, засвидетельствованного в письменных памятниках (восстановленные формы он не использует в своем анализе), и заслуживают аргументированного рассмотрения, чего, к сожалению, нет в рецензируемой книге. Между тем рациональное зерно в тезисе и разработках польского ученого есть [12; 13]. Оно заключается в том, что существовал общелатинский лексический и грамматический фонд, который лежал в основе классической (письменно-литературной) и народной (разговорной) форм речи. Маньчак усматривает этот фонд в классической латыни, прослеживая затем его судьбу в романских языках.

Этот общелатинский языковой фонд учитывается авторами рецензируемой работы, но пафос их рассуждений в другом. «Введение в романскую филологию» строится как введение в изучение романских языков, развивающихся на основе народнолатинской разговорной речи. Народная латынь определяется как «общеразговорный латинский язык во все периоды его существования, с особым учетом всех тех инноваций, которые появились в поздний период его развития, непосредственно предшествовавший периоду формирования романских языков» (с. 86). Особый учет инноваций заключается в том, что именно они составляют предмет изучения при сравнении строя романских языков. Не «поиски единого прародителя

романских языков», а «отыскание признаков единой направленности развития от народной латыни к романским языкам», — вот что является сегодня актуальным для лингвистов (с. 189). Эта идея служит стержнем второй и третьей частей книги, поэтому мы не найдем там систематического описания фонетики, грамматики и лексики народной латыни в духе известных разделов в трудах М. В. Сергиевского [14], Э. Бурсье [15], К. Тальявини [16] или в книге М. С. Гурычевой [17]. Признается необходимым «обнаружить рассеянные в литературных источниках элементы разговорной речи, вычленив их и, систематизировав, восстановить, пусть вынужденно неполную, картину развития латинского языка в разных частях Римского государства» (с. 76). Эта картина воссоздается на широком фоне истории латинского языка, с описанием источников и средств изучения народной латыни, факторов и путей ее дифференциации.

Включаясь в дискуссию по поводу происхождения романских языков, их истоков в виде праязыка, хотелось бы сказать, что версия о народнолатинской основе романских языков нуждается в уточнениях. Необходимо не только изучать историю латинского языка и форм его существования, но и дать этим формам соответствующие названия. Здесь имеется в виду то, что называть народной латынью общеразговорный латинский язык во все периоды его существования значит создать много неудобств при изучении этой формы речи. Начать с того, что даже краткое перечисление структурных черт народной латыни (с. 89—91) дает представление о новой и во многом отличной от классической латыни системе. Если эта система сосуществовала с системой классической латыни, то можно заключить, что Цицерон или Цезарь в одних условиях общения пользовались, скажем, системой вокализма, основанной на количественных противопоставлениях гласных, а в других — системой, основанной на качественных противопоставлениях. Конечно, данное предположение абсурдно. Однако и разговорную форму речи времен Цицерона (106—43 гг. до н. э.), и разговорную форму речи в III—V вв. называют народной латынью. Поэтому при употреблении термина каждый раз требуется хронологическое добавление. Было бы значительно удобнее, не вводя новых терминов, говорить о письменной и устной разговорной форме латинского языка во все периоды ее существования и закрепить термины «классическая латынь», «народная латынь» и «вульгарная латынь» за хронологически определенными отрезка-

ми времени (с I в. до н. э. до VIII в. н. э.) [18]. При этих условиях достигается не только более четкое наименование объектов, но и непротиворечивая трактовка материальной основы романских языков (латинский язык) и формы преобразования этой основы (народноразговорная форма речи).

Следующей проблемой, которая поставлена и успешно разрешается в рецензируемой работе, является проблема типологического сопоставления романских языков. До недавнего времени в работах по романскому языкознанию [14—17] каждый из романских языков описывался отдельно. Сама идея типологического изучения близкородственных языков вызвала споры. Сравнительно-исторический метод изучения близкородственных языков противопоставлялся структурно-типологическому на том основании, что диахронное исследование есть исследование асистемного состояния языка, а синхронное — системного. Потребовалось время для того, чтобы в языкознании укрепилось представление о том, что и в диахронии можно изучать структурно-функциональные характеристики языка [19—21]. В романском языкознании синхронное изучение романских языков носило сравнительно-сопоставительный и типологический характер [22], была выявлена логическая зависимость между сравнительно-историческим и структурно-типологическим методами, которые должны рассматриваться, по словам Г. В. Степанова, в качестве одной из основных логических операций научного мышления — сравнения [23, с. 6].

Структурная общность романских языков раскрывается через «типологические романизмы» (с. 189) и дифференциальные признаки, свойственные и несвойственные романским языкам (с. 181—186, 289—290). Эти характеристики прослеживаются в народнолатинской речи и далее в истории складывавшихся романских языков вплоть до их современного состояния. Наличие «типологических романизмов» во всех романских языках определяется тем, что они были присущи разговорной речи. Приводятся параллели с другими языками, в частности, с русским. Например, при описании фонетических изменений сравниваются сходные явления в русской разговорной речи (выпадение интервокального взрывного, носовых согласных и др., с. 140), при обсуждении функций местоименных слов приводятся примеры на референцию имен не только романских языков, но и русского (с. 213—214). Подобные параллели, рассеянные по всей третьей части книги, подчеркивают типологический характер фактов и явлений, имеющих своим источником разговорную речь. Типология роман-

ских структур прослеживается также с помощью филологического метода анализа на материале ранних памятников письменности. Привлекается, и довольно регулярно, корпус примеров из классической латыни, в ряде случаев сопровождаемый пометой «кл. лат.», чаще — «лат.» Например, когда речь идет об ирреальных наклонениях в латинском и романских языках, сравниваются классическая, народная латынь и романские языки (с. 267—276). Когда идет речь о возрастании в поздней латыни перифразы *habeo* (*habebam*) + р. р., это связывается с общей ориентацией нормы языка на разговорную речь (с. 259). С этим же связаны экспансия глагола *habeo* за счет *esse* как в самой латыни, так и в романских языках (с. 242), а также расширение сферы употребления активной перифразы типа *consilium captam habeo* за счет пассивной *mihī consilium captam est* и в целом общероманская тенденция к распространению «номинативного» строя предложения с семантическим субъектом в форме именительного падежа (с. 259). Все эти количественные характеристики подразумевают существование той формы речи, с которой проводится имплицитное сравнение употребительности данных структур, т. е. классической латыни. Именно в этой форме речи имели место те структуры, которым позднее была уготована роль романских инноваций, «типологических романтизмов».

Здесь возникает некоторый парадокс. С одной стороны, мысль эта заранее отвергается: «Все протороманские инновации возникли не в письменной латыни — будь то классической или поздней, а в устной латинской речи любого стилистического регистра, естественным продолжением которой явились бесчисленные романские диалекты — *rustica romana lingua*, сохранявшие свой чисто разговорный статус на протяжении нескольких веков» (с. 189). С другой стороны, однако, мысль эта получила свое выражение: «... следует помнить, что основой романских языков является лексический и грамматический фонд латинского языка, общий и для всех его ступеней» (с. 86) и далее: «Таким образом, при изучении генезиса романских языков необходимо учитывать все разновидности латыни — как хронологические, так и социальные, — и все аспекты языкового материала, ибо только взятый в полном объеме, он может дать более или менее реальную картину языкового развития» (там же). Надо полагать, что парадокс снимается сам собой, если вспомнить слова Г. В. Степанова о том, что латынь как язык-эталон в типологических исследованиях романских языков, не являясь искомым объектом, является постоянным

компонентом сравнения, а вульгарная латынь по отношению к латыни классической «может рассматриваться как вариант (временной, пространственный и социальный) общелатинской диасистемы» [23, с. 12].

При постановке проблемы структурной общности романских языков были сформулированы некоторые критерии, по которым можно объединять или противопоставлять романские языки (с. 35—38). Сюда относятся и более частные и более общие особенности в способах выражения значений, например, флективное или нефлективное оформление именной группы: исп. *el amigo del vecino*, франц. *l'ami du voisin*, рум. *prietenul vecinului*. Используются понятия синтеза / анализа и вторичного синтеза, например, при рассмотрении румынского склонения или французского будущего времени; предлагается также учитывать степень архаичности языка, которая определяется по функциональным характеристикам элементов в системе языка, а не по наличию этих элементов в латыни. Например, сохранившийся только в восточнороманских языках суффикс не является архаизмом — это живая продуктивная форма, выступающая в виде вторичного инфинитива. В дальнейшем, при описании фонетики, грамматики и лексики романских языков, анализ усложняется. Это связано с созданием принципов наблюдения, описания и объяснения языковых фактов в рамках нового историко-типологического подхода к изучению романских языков.

Выделяется прежде всего принцип системного рассмотрения языковых фактов. Этот принцип распространяется на все уровни языковой системы, какой бы ракурсом анализа ни был взят. При изучении внутрисистемных преобразований раскрываются тенденции развития, как общероманские, так и частные. Например, последовательно показана общероманская тенденция к аналитическому строю. Речь идет и об изменениях синтактико-аналитической конструкции сложного романского перфекта в морфолого-аналитическую (с. 190, 259—261), и о формировании аналитических каузативов (с. 243) и др. Разные тенденции развития имеют, например, автономные и неавтономные местоимения: в большинстве романских языков автономные местоимения лишались падежных форм, тогда как неавтономные сохранили от двух (португальский, испанский) до шести (французский, итальянский) форм (с. 220). Таким образом создается картина телеологического (целенаправленного) характера преобразований, в результате которых сформировались романские языки. Сближение понятий телеологии и тенденции находим у Н. С. Трубецкого,

который писал о том, что «осмысленность эволюции языка прямо вытекает из того, что „язык есть система“» [24].

Непрерывным условием исследования является также учет внешних факторов языковых изменений, изучение истории языкового коллектива. Мотив социальной обусловленности функционирования и развития языка может звучать имплицитно, когда идет речь, например, об особенностях употребления глагольных времен в различных функциональных и региональных вариантах романских языков (с. 261, 264), или эксплицитно, когда речь идет о заимствованиях и контактах языков (с. 152—156). Сюда же можно отнести принципиальное разделение в анализе устной и письменной форм речи: «...разговорный язык и письменная норма кодифицированного литературного языка имеют разные „константы развития“» (с. 195). Эта хорошо известная идея получает сегодня интересные разработки в рамках теории скрипты [25—26], которая дает иную картину вариантности окситанских форм, цитируемых в связи с тезисом о полиморфии фонетических слов (с. 156). Речь идет о графических вариантах в текстах старопровансальского языка XII—XIII вв. (*noit, nueit, nuoit, nuech; canso, chançon, chanzò*), которые в рецензируемом труде рассматриваются как фонетические варианты, отражающие фонетические законы разных областей Окситании. По поводу тех же самых примеров Р. Лафон замечает, что если в наши дни трактовка группы *cs* делит окситанский на западную зону (*fait*) и восточную (*fach*), то локализовать язык трубадуров на основе фантазии скрибов невозможно [27]. Иными словами, скриптологи не склонны видеть в графических вариантах форм отражение диалектных, т. е. устных, произносительных вариантов этих форм.

Наконец, одним из замечательных принципов исследования процессов развития романских языковых систем и их структурно-функциональных схождений и расхождений является привлечение поистине огромного фактического материала, который представлен в диалектике своего функционирования в планах системы, узуса и нормы. Для типологии сходств и различий это имеет особенно важное значение [28].

В целом рецензируемая книга настолько богата по содержанию, по затрагиваемым и решаемым проблемам, по методу подачи материала, что в короткой рецензии можно было всего лишь коснуться некоторых ее примечательных свойств. Остается надеяться на то, что внимательный читатель найдет в книге ответ на многие вопросы, возникающие при изучении курса введения в романскую фило-

логию, в том числе и на те, которых не удалось коснуться в рецензии. Книга Т. Б. Алисовой, Т. А. Репиной, М. А. Таривердиевой, вышедшая вторым изданием, по праву может быть названа одним из выдающихся трудов по романскому языкознанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. М., 1959.
2. Зубова Т. Е., Кистанова Л. Ф., Чапля А. И. Введение в романскую филологию. Минск, 1983.
3. Широков О. С. Введение в языкознание. М., 1985.
4. Гак В. Г. Проблема соотношения между родственными языками в функциональном аспекте // Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
5. Пиотровский Р. Г. Близкородственные языки или национальные варианты? // Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
6. Бородина М. А., Николаева С. П. К вопросу о равнозначности и подчиненности вариантов языков // Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
7. Реферовская Е. А. Канадский вариант французского языка // Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
8. Широкова А. В. Территориальная дифференциация языка. М., 1979.
9. Широкова А. В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков Пиренейского полуострова. М., 1982.
10. Широкова А. В. Сравнительно-историческая фонетика романских языков (ареалы Галлии и Балкан). М., 1981.
11. Mańczak W. Le latin classique — langue romane commune. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977.
12. Mańczak W. Le développement phonétique des langues romanes et la fréquence. Krakow, 1969.
13. Mańczak W. Phonétique et morphologie historique du français. 2 ed. Warszawa, 1973.
14. Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. 2-е изд. М., 1954.
15. Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.
16. Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine. Introduzione alla filologia romana. Bologna, 1972.
17. Гурьчева М. С. Народная латынь. М., 1959.
18. Скрелина Л. М. Хрестоматия по истории французского языка. М., 1981. С. 179.

19. Тезисы Пражского лингвистического кружка // *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960.
20. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 266—270.
21. *Skreliņa L.* De l'économie de certains changements grammaticaux en ancien français // *La linguistique*. 1968. № 1.
22. *Катагощина Н. А.*, *Вольф Е. М.*, *Лухт Л. И.*, *Гурычева М. С.* Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности. М., 1972.
23. *Степанов Г. В.* Введение // *Степанов Г. В.*, *Вольф Е. М.*, *Лухт Л. И.*, *Супрун А. В.* Грамматика и семантика романских языков (К проблеме универсалий). М., 1978.
24. *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 510.
25. *Катагощина Н. А.* Понятие scripta и проблема языковой интерпретации старофранцузских текстов // Исследования по романской филологии. Л., 1978.
26. *Становая Л. А.* Оформление старофранцузского подлежащего в свете теории скрипты // Компонентный состав предложения. Л., 1986.
27. *Lafont R.* Trobar. XII—XIII-e siècles. Montpellier, 1972. P. 12.
28. *Бородина М. А.*, *Скрелина Л. М.* Категории субъекта и объекта в романских языках // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982. С. 21.

Скрелина Л. М.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

Рецензируемая книга посвящена специальному исследованию семантической специфики экспрессивной лексики литературно-разговорного и диалектного употребления. В работе представлены результаты парадигматического и синтагматического анализа экспрессивных слов — лексем и лексико-семантических вариантов, выявлены типы лексических экспрессивных значений и коннотативных сем, формирующих эти значения. Автором предложена новая концепция экспрессивной семантики на материале экспрессивной лексики разговорного употребления (далее сокращенно — ЭЛРУ).

Монография состоит из Введения, двух разделов и Заключения. В конце ее прилагается словарь экспрессивных лексем и лексико-семантических вариантов, использованных в качестве иллюстративного материала. Завершает книгу обширная литература по избранной проблеме (более 300 наименований).

Во Введении автор объясняет объект своего исследования, его материал, вскрывает состояние разработки проблем экспрессивной лексической семантики русского языка и выдвигает постулаты, которые верифицируются в последующих разделах и главах книги (с. 3—14). К числу нерешенных вопросов теоретического, методологического и лексикографического характера, имеющих непосредственное отношение к исследуемой проблематике, Н. А. Лукьянова справедливо относит следующие: содержание тер-

минов «экспрессивность», «образность» «коннотация», «экспрессивная функция» и др; границы экспрессивной лексики и ее взаимодействие с номинативной лексикой русского языка; состав экспрессивной микросистемы как специального фонда языка; семантическая структура коннотации; особенности проблем экспрессивности в лексикологии, семасиологии и стилистике; лексикографическое отражение экспрессивной семантики и ряд других проблем (с. 3—14). Перечисленные вопросы, как и многие другие, ни в отечественном, ни в зарубежном языкознании не имеют адекватного решения, и потому обращение к ним автора данной монографии заслуживает внимания.

Первый раздел книги «Семантическая основа экспрессивности и границы экспрессивной лексики» состоит из двух глав. В гл. 1 Н. А. Лукьянова связывает семантическую категорию экспрессивности с экспрессивной функцией языка, которая имеет систему средств выражения на всех языковых уровнях. В монографии рассматривается преимущественно лексический уровень литературного и диалектного языка, формирующий фонд ЭЛРУ. Этот фонд, по мнению автора книги, частично пересекается с номинативным фондом языка. Тем самым автор противопоставляет ЭЛРУ номинативному фонду языка и выделяет ее в относительно самостоятельную подсистему, единицей которой является экспрессив (с. 27—34). Необходимо, однако, отме-